

Е.В. Саженина

Новосибирский государственный педагогический университет

**Сюжет путешествия и его модификации
в поэме Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»**

Аннотация: Статья посвящена художественному преодолению канонических фабульных моделей в поэме Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». В центре внимания – заданные, но нереализованные сюжетные возможности, связанные с сюжетом путешествия. Особенности пересечения некрасовского сюжета с традицией, а также анализ системы эпизодов и пространственной детализации показывает, что «путешествие» как перемещение странников в пространстве не является сюжетогенным фактором.

The paper is devoted to the artistic overcoming of the canonical plot models in the poem «Who lives well in Russia?» by N.A. Nekrasov. The principal objectives of the research are the intended but unrealized plot opportunities, associated with the travel plot. The peculiarities of the intersection of Nekrasov's plot with the tradition, as well as the analysis of the system of episodes and of detailed spatial elaboration show that the «travel» as the movement of pilgrims in space fails to be a plotogeous factor.

Ключевые слова: Н.А. Некрасов, сюжет путешествия, неканоническая поэма, редукция эпического сюжета, динамическое соотношение фабулы и сюжета.

N.A. Nekrasov, the travel plot, non-canonical poem, the reduction of the epic plot, dynamic correlation plot and story.

УДК: 83.3 (2=411.2) 5

Контактная информация: Новосибирск, Вилюйская, 28. НГПУ, ИФМИП, кафедра русской литературы и теории литературы. Тел. (383) 2440141. E-mail: ermakova-56@mail.ru.

В литературе о поэме «Кому на Руси жить хорошо» путешествие некрасовских героев традиционно рассматривается как главный композиционный прием и основа сюжетобразующей стратегии.

Кумулятивность сюжета путешествия в «Кому на Руси жить хорошо» была осознана еще П.Н. Сакулиным, который полагал, что в поэме Некрасова используется «та же композиционная форма, какой пользовались уже Пушкин, Лермонтов, Гоголь, и какая идет еще от старого авантюрного романа» [Цит. по: Базилевская, 1935, с. 471]. Мнение Сакулина не осталось безответным: в разное время осмыслился более сложный характер некрасовского сюжета по сравнению с сюжетом авантюрного романа [Базилевская, 1935], или, например, по сравнению с сюжетом путешествия в романах самого Некрасова [Зубков, 1967, Luisier, 2005].

В.Е. Евгеньев-Максимов писал, что поэма «Кому на Руси жить хорошо» построена «как повествование о путешествии семерых странников, желающих во что бы то ни стало найти истинно счастливого человека, как повествование о бесчисленных дорожных встречах странников и о разговорах их с огромным количеством людей, принадлежащих к различным социальным слоям» [Евгеньев-Максимов, 1953, с. 237]. Существенно, что характеристика повествования, данная исследователем, распадается на несколько признаков: «повествование о путеше-

ствии» с целью поиска, «повествование о встречах» и «повествование о разговорах». Трехчастное определение повествования в поэме Некрасова объясняется особым соотношением фабулы и сюжета в некрасовской поэме, так как сюжетной моделью неканонической поэмы становится встреча, а не поиск [Бройтман, 2001]; в композиционном же плане «путешествие» странников подменяется системой остановок, медитативных вставок в нарративный ход и вставных «рассказов в рассказе» [Ромащенко, 2008].

Несводимость основного замысла поэмы «Кому на Руси жить хорошо» к различным источникам ее сюжета объяснял К.И. Чуковский, критикуя работы по поиску печатных источников той или иной фольклорной отсылки [Чуковский, 1962, с. 427–428]. Поэтому наша задача состоит не в том, чтобы увеличить количество источников и аналогий: необходимо, прежде всего, объяснить механизм пересечения некрасовского сюжета с традицией, понять принципы творческой работы автора над поэмой, «логику порождения смыслов» [Барт, 1987, с. 377], и, что характерно для Некрасова, логику отказа от них.

Путешествие странников становится частью целого репертуара сюжетных возможностей, которые реализуются по-разному, в зависимости от конкретных художественных задач поэмы.

Уместно обратиться к одному из источников некрасовского сюжета – сюжету о поисках счастливой земли, который особым образом преломляется в художественной ткани поэмы.

Легенды о вольных, богатых, праведных, идеальных землях, как замечает К.В. Чистов, были настолько популярны в XVII–XIX вв., что предпринимались в крестьянской среде реальные поиски Беловодья, Города Игната Некрасова [Чистов, 1967]. Надо полагать, поэме о народном счастье такой сюжет более соответствует. На его фоне изображение разрушенного рая в прологе к «Крестьянке», или песня «Русь» («Ты и убогая, ты и обильная...» [234]¹) выглядели бы гораздо рельефнее.

Но Некрасову важен спор, важно столкновение версий – то, из чего может родиться «Пир на весь мир», обсуждение насущных вопросов. Спорить же о счастливой земле невозможно.

Отсылка к сюжету о поисках счастливой земли возникает только однажды, когда сами странники определяют объектом поиска

Непоротую губернию,
Непотрошенной волости,
Избытка села! [90].

Эта формула дана в главе «Последыш» вместо обычного развернутого рассказа «идя путем дорогою, сошлись мы невзначай» [18, 70, 127], и больше не повторяется. Общеизвестная история о поисках страны благополучия никак не комментируется персонажами, никого не удивляет. Реакция старосты Власа:

Чудим и мы достаточно,
А вы и нас чудней [91], –

следует только после рассказа странников.

Как встретились нечаянно,
Как подрались, заспоривши... [90].

---

¹ Здесь и далее текст поэмы Некрасова цитируется по изданию: [Некрасов, 1982].

С помощью возникшей параллели сюжета о Беловодье в тексте задается отличие некрасовского сюжета: странники ищут не счастливую землю, но конкретного субъекта – «Кому живется счастливо...». Возможность воплощения индивидуального счастья появляется только в рассказе. Странствующие герои находят авторов слова, потенциальных счастливых, которые создают свой текст о счастье:

Докладывай, доказывай
Сперва, чем счастлив ты? [55].

Таким образом, заданный в «Последише» мотив поисков счастливой земли не разворачивается в сюжет.

Среди нереализуемых моделей, заданных в поэме, оказывается и проверка всех шести версий о том, кому живется счастливо.

Попа уж мы довели,
Довели помещика,
Да прямо мы к тебе» [128], –

сообщают странники Матрене Тимофеевне, так и не проверив оставшиеся четыре версии. В.А. Кошелев объясняет такой поворот тем, что Некрасов строит «свободную поэму, не ограниченную локальным замыслом и имеющую в запасе серию самых многозначных “возможностей”, очень вариативных с собственно литературной точки зрения» [Кошелев, 1999, с. 6–7]. По мнению исследователя, если бы мужики опросили всех кандидатов, и вернулись домой, поэма бы осталась в русле иронического повествования, и поэтому Некрасов отказывается от намеченного в «Прологе» плана.

Однако проверка версий исчерпывает себя уже в первой части поэмы. «Соц-опрос» дискредитируется после главы «Помещик»: далее странники никого не спрашивают о счастье, а Матрена Тимофеевна, «выкладывающая всю душу» вообще не входила в список кандидатов.

Анализ системы эпизодов и пространственной детализации показывает, что «путешествие» как перемещение странников в пространстве не является сюжетогенным фактором.

В этом плане заслуживает внимания эпизод, в котором семь мужиков, еще не будучи странниками, еще не договорившись искать счастливую, уже идут, не сговариваясь, по одной дороге «рядком».

Чтобы осуществилось движение, должно было возникнуть смысловое напряжение: сначала каждый из мужиков высказал свою версию («Роман сказал: помещику...» [5]), затем «настоял» на своем слове («всяк на своем стоит»). После выяснения незавершенных дел мужиков («По делу всяк по своему / До полдня вышел из дому...») читатель обнаруживает мужиков идущими:

Давно пора бы каждому
Вернуть своей дорогою –
Они рядком идут!
Идут, как будто гонятся
За ними волки серые,
Что дале – то скорей [6].

Ненаправленный, но упорядоченный характер движения, объясненный «блажью» странников, усиленный указанием на погоню серых волков актуализирует присутствие нарратора, который, возможно, еще не знает, куда гонит своих

героев, пока разворачивается художественное пространство. Об этом говорит и предположение:

Наверно б ночь целую
Так шли – куда не ведая... [6].

Таким образом фиксируется точка пересечения «мира героев» и «мира автора»: вневнеходимость повествующей инстанции выражается субъектной вертикалью относительно горизонтально развертывающегося сюжета.

Если указание на начало движения странников осталось за рамками сюжета, то само движение происходит вне зрительного ряда.

Казалось бы, в первой главе первой части началось путешествие странников с целью «все царство облететь» [11]. В первом эпизоде сразу после пролога возникает ряд деталей, обнаруживающих не движение мужиков, но выстраивание окружающего пространства:

Широкая дороженька,
Березками обставлена,
Далеко протянулася,
Песчана и глуха [15].

Подчеркнем, что перед нами не просто пейзаж, а его построение: далеко протянувшаяся дороженька дискурсивно «обставляется» березками и пологими холмами, деревни «поставлены» у речек и прудов. Пространство словно бы создается на наших глазах. Описание начавшегося пути мужиков сопровождается также описанием движения холмов в сознании лирического автора-повествователя:

По сторонам дороженьки
Идут холмы пологие
С полями, с сенокосами,
А чаще с неудобною,
Заброшенной землей ... [15]

Узуальное значение слова «идти» («простирается, пролегать») в данном контексте становится интерпретативно недостаточным: насколько актуализируется «движение» пологих холмов в первом же эпизоде, настолько дезактуализируется перемещение мужиков. Последнее задается только тогда, когда их надо остановить (в третьем эпизоде главы «Поп», только к 50-му стиху):

Уж день клонился к вечеру,
Идут путем-дорогою,
навстречу едет поп [16].

В системе кадров внутреннего зрения преобладают подробности не движения героев, но их остановок. Так, например, в «Пьяной ночи» появление густой липы в кругозоре автора-повествователя подчеркнуто не мотивируется:

Одна, зачем, бог ведает,
Меж полем и дорогою
Густая липа выросла.
Под ней присели странники [42].

Заданный и опрокинутый вопрос о цели – «зачем, бог ведает» – по отношению к дереву выделяет густую липу, которая не выросла бы, если бы

странники не захотели «ларец свой попытать» и испробовать скатерть-самобранку. Число подобных «декоративных» описаний для сцен и «посиделок» можно множить:

И дуб тут рос дубов краса
под ним присели странники [129],

В конце села под ивою...
всю ночь огни и шум.
На бревна, тут лежавшие,
На сруб избы застроенной
Уселись мужики [188].

Фиксация остановок, а не перемещения странников заметна на протяжении всей поэмы.

В интенсивное движение приводится все, кроме странствующих героев. Особо заметно это в финале главы «Счастливые»:

... поразъехалась,
Поразбрелась толпа.
Крестьяне спать надумали,
Вдруг тройка с колокольчиком
Откуда ни взялась,
Летит! [68].

Неожиданная смена эпизодов без перемены места действия обнаруживает статичность странников и фиктивность путешествия как эпически значимого пересечения пространственно-семантических границ.

Контаминация заданных, но нереализованных сюжетных возможностей позволяет поставить вопрос о необходимости путешествия в сюжете поэмы.

Некрасовские мужики, вокруг которых происходит движение, могли вообще никуда не ходить и тогда поиск истины ограничился бы застольной беседой, симпозионом, организующим главу «Пир на весь мир». В этой связи закономерна была бы следующая реплика вахлаков, вписанная на полях первоначального наброска главы «Пир на весь мир»:

Нет на Руси счастливого,
Напрасно вы промучитесь, –
Да и не может быть! [507].

Но спор о счастье связан с глубоко экзистенциальной тематикой, которая риторически неразрешима. С этой точки зрения некрасовский сюжет путешествия обретает не только прямой, но и метафорический смысл. Спор мужиков и выдвижение версий необходимы только для того, чтобы начался путь, вне которого невозможен поиск истины. Матрена Тимофеевна, которую «ославили счастливцей», и Гриша Добросклонов, поющий «воплощение счастья народного», не могли войти в список кандидатов. Их появление фабульно не мотивируется: решение мужиков «пощупать баб» и вторжение Григория Добросклонова в «Пир» вахлаков возникают внезапно. Тем не менее, оба героя имеют особый повествовательный статус и открывают странникам (и читателю) два возможных финала поэмы – истории об обретении счастья в рожденном слове. Именно поэтому ни Матрена, ни Гриша не могли быть обозначены в Прологе, который, возможно, служил только импульсом к поиску («затравкой» для читателя), а не «первоначальным планом».

Нереализованность сюжета о счастливой земле, отклонение странствующих героев от плана и редуцированность эпического путешествия подтверждают «динамическое соотношение фабулы и сюжета (динамическое и в плане читательской рецепции)», характерное для повествования в неканонической поэме [Силантьев, 2006, с. 162]. Устойчивые фабульные схемы вытесняются сюжетом и распадаются, как только вступают во взаимодействие с сюжетом поэмы, существующей в читательском сознании в неоконченной форме.

Литература

- Базилевская Е.В. Из творческой истории «Кому на Руси жить хорошо»: возникновение основного замысла и общей композиционной схемы // Звенья. М.; Л., 1935. Кн. 5. С. 449–475.
- Барт Р. Критика и истина // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв.: Тракаты, статьи, эссе. М., 1987. С. 349–387.
- Бройтман С.Н. Неканоническая поэма в свете исторической поэтики // Поэтика русской литературы. М., 2001. С. 29–38.
- Евгеньев-Максимов В.Е. Творческий путь Н.А. Некрасова. М.; Л., 1953.
- Зубков М.Н. Предшественники Некрасова в создании народной героической эпопеи (И.С. Аксаков, И.С. Никитин) // Некрасовский сборник. Л., 1967. Т. IV. С. 40–56.
- Кошелев, В.А. «Кому на Руси жить хорошо»: О великой поэме и о вечной проблеме. Новгород Великий, 1999.
- Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем: В 15-ти тт. Л., 1981–1985. Т. 5. Л., 1982.
- Ромашенко С.А. О сюжетобразующей функции метафорического кода в поэме Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» // Анализ фрагмента литературного произведения. Новосибирск, 2008. С. 101–122.
- Силантьев И.В. О некоторых теоретических основаниях словарной работы в сфере сюжетов и мотивов // Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы: эксперимент. изд. / Гл. ред. Е.К. Ромодановская. Ред.: М.А. Бологова, Е.К. Никанорова, Е.Н. Проскурина. Новосибирск, 2006. Вып. 1. С. 160–169.
- Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М., 1967.
- Чуковский К.И. Мастерство Н.А. Некрасова. М., 1959.
- Luisier A. Nikolaj Nekrasov: ein Schriftsteller zwischen Kunst, Kommerz und Revolution. Zürich, 2005.